

Приведенный перечень речевых ошибок, хотя и не является полным, позволяет констатировать очевидную тенденцию к расшатыванию литературной нормы русского языка в интернет-СМИ Беларуси. В этой связи следует признать справедливость оценки СМИ, данной в свое время профессором М. Л. Ремневой: «До недавнего времени СМИ были образцом нормативности, и многие поколения людей выросли в осознании этого. Именно радиовещание, газеты, позже телевидение были, начиная с двадцатых годов прошлого века, голосом общественного мнения, остро реагировали на нарушение грамматической, стилистической, орфоэпической правильности речи. <...> Современная ситуация принципиально иная» [3, с. 23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Володина, М. Н. Язык СМИ как отражение языковой действительности / М. Н. Володина // Русский язык: исторические судьбы и современность : мат-лы III Междунар. конгр. исследователей русского языка, Москва, 20–23 марта 2007 г. / МГУ. – М., – С. 517–518.
2. Рождественский, Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1997. – 597 с.
3. Ремнева, М. Л. Аспекты изучения звучащей речи / М. Л. Ремнева. – М., 2004. – 352 с.

УДК: 811.161.1'367.622'37

Н.Н. Бичан, асп.

(ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»)

О СЕМАНТИКЕ ЕДИНИЧНОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ ЧАСТИ ПАРНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Носителями семантики единичности в языке являются существительные-сингулятивы – суффиксальные дериваты, образованные от вещественных или собирательных субстантивов, а также от некоторых имен *pluralia tantum* [1, с. 266]. За конкретные значения сингулярности – ‘одна часть вещества или материала’, ‘единичный / отдельный предмет из ряда однородных’, ‘элемент парного предмета’ – в структуре данных мотивированных номинаций отвечают специальные суффиксы: *-ин-а*, *-инк-а*, *-к-а* (*брюкв-ин-а* ‘Разг. Отдельный корнеплод брюквы’ ← *брюква*, *брюч-ин-а* ‘Разг. Часть брюк, покрывающая одну ногу; штанина’ ← *брюки*, *сор-*

инк-а ‘Частичка сора; маленькая частица чего-л.’ ← *сор*, *ирис-к-а* ‘Разг. Одна конфета ириса’ ← *ирис*), реже *-иц-а*, *-як-а*, *-ок*, *-ышк-а*, *-яшк-* (*круп-иц-а* ‘2. Крупинка (2 зн.)’ (*крупинка* ‘2. Мельчайшая частица чего-л. сыпучего’) ← *круп*, *желез-як-а* ‘Кусок железа, железный предмет’ ← *железо*, *мел-ок* ‘Кусок мела (для рисования, письма и т. п.)’ ← *мел*, *лед-ышк-а* ‘Разг. Кусочек льда, льдинка’ ← *лёд*, *стекл-яшк-а* ‘1. Кусочек стекла; небольшое изделие или украшение из стекла’ ← *стекло*) [2]. Сущность сингулятива – в обозначении единицы чего-либо однородного.

Одну из групп сингулятивов образуют имена существительные, коррелирующие с наименованиями парных предметов, т. е. объектов действительности, состоящих из двух одинаковых (однородных) компонентов. В традиционном научном понимании существительные со значением ‘часть парного предмета’ образуются от весьма ограниченного круга номинаций: в качестве мотивирующих слов выступают названия одежды для нижней половины тела (*брюки*, *штаны*, *портки*). Данные субстантивы называют цельные (нераздельные) предметы с двумя одинаковыми элементами; их денотативная целостность закреплена на грамматическом уровне: употребляются только во множественном числе (сингулятив ← имя *pluralia tantum*). Значение единичности у слов *брючина*, *штанина*, *портчина* заключено в словообразовательном средстве – сингулятивном суффиксе.

В объективной действительности существуют парные предметы, которые состоят из двух отдельных одинаковых частей, но воспринимаются как единое целое или комплект. При относительной «самостоятельности» компоненты таких предметов рассматриваются как части одного объекта, используются, соответственно, вместе. Например: *оглобля* ‘Одна из двух жердей, укрепленных концами на передней оси повозки и служащих для запряжки лошади’, *крыло* ‘5. Каждая из двух боковых частей сети (невода), находящихся по обе стороны мотни’, *отвод* ‘4. Один из двух изогнутых брусьев, идущих под углом от передка саней и увеличивающих их ширину’ [2]. В семантике таких номинаций присутствуют специальные лексические маркеры ‘один из двух’, ‘каждый из двух’, благодаря которым обозначаемые отдельные элементы воспринимаются как равные (идентичные) части парных предметов. Указание на однородность конституентов дает основание выделять у таких существительных сему единичности.

В некоторых словах, называющих один из одинаковых элементов парных предметов, семантика единичности может быть

неявной, скрытой, «затемненной», например, *ставень* ‘1. Дощатая или металлическая створка для прикрытия окна’, *запонка* ‘Застежка, вдеваемая в петли манжет’, *шпора* ‘1. Металлическая дужка с зубчатым или гладким колесиком, прикрепляемая к заднику сапога всадника и служащая для управления лошадью’, *ручка* ‘4. Часть кресла, дивана, на которую, сидя, опираются локтем; подлокотник’ [2]. Такие единицы занимают переходное положение между традиционными и так называемыми потенциальными сингулятивами.

В пользу отнесения существительных, номинирующих один из отдельных компонентов парного предмета, к разряду сингулятивов свидетельствует не только наличие в их значениях семы единичности (эксплицитной или имплицитной), но и грамматический показатель: подобные номинации имеют обе морфологические формы числа (*варежка* – *варежки*, *ус* – *усы*, *туфля* – *туфли*, *надпочечник* – *надпочечники*). Корреляция «ед. ч. – мн. ч.» в данном случае эксплицирует противопоставление понятий «единица» – «однородная парная совокупность», что является необходимым условием существования сингулятивной семантики.

Первичным, ведущим значением для некоторых наименований объектов действительности является значение парной совокупности, о чем свидетельствует подача их в толковых словарях в форме множественного числа как наиболее употребительной, ср.: *сандали*, мн. (ед. *сандаля*) ‘2. Легкие летние туфли без каблука, с верхом из ремешков; босоножки’, *порушни*, мн. (ед. *поручень*) ‘2. Опора для рук (в кресле, коляске и т. п.)’, *бретели*, мн. (ед. *бретель*) ‘Узкие полоски ткани, пришиваемые к одежде (сорочке, сарафану, лифчику и т. п.) для поддерживания её на плечах’, *кавычки*, мн. (ед. *кавычка*) ‘Типографские знаки (“ ”, “ ” и т. п.) для выделения прямой речи, цитат, заглавий; слов, употребляемых не в собственном, а в ироническом или условном смысле, а также слов и выражений из чуждого автору лексикона’ [2]. При этом в словарной статье обязательно приводится форма единственного числа таких существительных, которая выражает значение «один предмет из пары» [3, с. 59], т. е. сингулятивное значение [4, с. 70], [5, с. 69]. Как и в случае с сингулятивами, мотивированными именами *pluralia tantum*, грамматическая форма единственного числа характеризуется вторичностью по отношению к форме множественного числа, только не на словообразовательном, а на функциональном уровне.

Наблюдения над фактическим материалом показали, что существительные, обозначающие один из автономно существующих

элементов парных предметов, образуют различные тематические группы:

– субстантивы, называющие парные части тела, среди которых выделяются 1) имена, содержащие в значении эксплицитно выраженную сему единичности (*нога* ‘1. **Одна из двух** нижних конечностей человека, а также одна из конечностей птиц, некоторых животных’, *глаз* ‘1. **Парный** орган зрения человека и животного, расположенный в глазных впадинах (лица, морды) и прикрываемый веками с ресницами’, *губа*¹ ‘1. **Каждая из двух** кожно-мускульных подвижных складок, образующих края рта’, *ключица* ‘**Парная** кость плечевого пояса, соединяющая лопатку с грудной костью’, *ноздря* ‘**Одно из двух** наружных отверстий носа (человека, животного)’); 2) лексемы с имплицитной семой единичности (*голень* ‘Часть ноги (у животных – задней конечности) от колена до стопы’, *висок* ‘1. Часть головы от уха до лба’, *щека* ‘1. Часть лица от скулы до нижней челюсти’, *ласт* ‘1. Укороченная широкая конечность некоторых водных пресмыкающихся, птиц, млекопитающих (морских черепах, пингвинов, моржей, тюленей и др.)’; *бакенбарды*, мн. (ед. *бакенбарда*) ‘Часть волос, оставляемая при бритье от висков вдоль щек’, *бивни*, мн. (ед. *бивень*) ‘У некоторых млекопитающих: два сильно развитых, выступающих наружу зуба, (клыки или резцы)’, *подусники*, мн. (ед. *подусник*) ‘Волосы по углам губ, составляющие продолжение усов’) [2];

– имена, обозначающие парные элементы одежды или обуви, у которых сема единичности выражена как эксплицитно (*фалда* ‘1. **Одна из двух** нижних частей разрезной спинки (на сюртуке, фраке, мундире)’, так и имплицитно (*рукав* ‘1. Часть одежды, покрывающая руку или часть руки’, *лацкан* ‘Отворот на грудной части верхнего застегивающегося платья (пальто, пиджака и т. п.)’, *шпилька* ‘2. Разг. Тонкий высокий каблук женской туфли’), *ботинки*, мн. (ед. *ботинок*) ‘Обувь на шнурках, пуговицах, молнии и т. п., закрывающая ногу по щиколотку или выше’) [2];

– существительные, называющие парные части орудий труда, упряжи (*гуз* ‘1. Кожаная или веревочная петля у хомута, служащая для скрепления оглобель с дугой’, *шоры*, мн. (ед. *шора*) ‘1. Боковые щитки на уздечке возле глаз, не дающие лошади возможность смотреть по сторонам; наглазники’, *чапыги*, мн. (ед. *чапыга*) ‘Нар.-разг. Ручка плуга’) [2] и др.

Таким образом, наряду с традиционными сингулятивами со значением ‘часть парного предмета’, мотивированными названиями цельных предметов, состоящих из двух одинаковых, симметрично

расположенных друг по отношению к другу элементов, в русском языке выделяется ряд других существительных, выражающих подобную семантику.

В пользу данного положения свидетельствуют следующие факторы:

1) наличие семы единичности, выраженной специальными лексическими маркерами ('один из двух', 'каждый из двух', 'парный') или осознаваемой носителями языка;

2) корреляция форм существительных по числу, отражающая смысловую противоположность «единица – парная совокупность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика : в 2 т. ; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфонология. – 783 с.

2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

3. Лешевская, О. Н. Семантика русского числа / О. Н. Лешевская. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 400 с.

4. Манучарян, Р. С. Сингулятивы в русском языке / Р. С. Манучарян // Рус. яз. в шк. – 1965. – № 6. – С. 69–73.

5. Малыхина, Л. Ш. Способы выражения категории количества (единственности и множественности) в русском, английском и таджикском языках (сравнительно-сопоставительный анализ) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. Ш. Малыхина. – Душанбе, 2011. – С. 157.

УДК 482:8.08

И.П. Кудреватых, проф., д-р филол. наук
(БГПУ, г. Минск)

КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Лингвистика рубежа веков активно интегрирует с другими науками, что способствует появлению новых лингвистических направлений, знаменующих смену научных парадигм, а значит, научную революцию. И это связано со стремлением объяснить язык как глобальное средство коммуникации, всесторонне описать его во всех проявлениях. Как отмечает А. Е. Кибрик, лингвистику рубежа веков можно представить в следующем виде: КАК-лингвистика (как